

Глава 8

Ритуальные деньги появились в гостиной столь загадочным образом, что Юй Цин перепроверил всё несколько раз, едва не усомнившись в собственном призрачном естестве.

— Моё заклинание сработало безупречно, — Юй Цин нахмурился, впервые в жизни не выказывая ни малейшего интереса к богатству. — Так кто, спрашивается, умудрился сжечь всё это для тебя?

Му Юаньчжи лениво приподнял веки и усмехнулся:

— Ты меня спрашиваешь?

У него не было ни родителей, ни единой родной души, даже друзей в мире живых не осталось. Откуда ему знать, как взялась эта гора купюр?

Юй Цин надул губы, вспомнив серый знак напротив имени Му Юаньчжи в Книге Жизни и Смерти. Немного подумав, он предположил:

— Может... у тебя есть тёзка? И эти ритуальные деньги просто доставили не по адресу?

В конце концов, серый цвет имени оставался неразгаданной тайной. Чем больше Юй Цин размышлял об этом, тем более убедительной казалась ему эта догадка. Он решительно кивнул, избавляя себя от лишних терзаний:

— Точно, так и есть! Всё, я спать.

— А как же чай? — спросил Му Юаньчжи вслед удаляющемуся в спальню призраку.

Юй Цин лишь лениво отмахнулся и зевнул на ходу:

— Не хочу.

Эту горькую бурду он и так никогда особо не жаловал.

То ли вечернее потрясение от груды денег так повлияло, то ли сказалось что-то ещё, но Юй Цин впервые за долгое время провалился в сновидение.

Преисподняя в его сне разительно отличалась от нынешней. Цветы берега упокоения у Реки Забвения мягко колыхались от лёгкого дуновения, а неведомо откуда взявшийся свет усеивал водную гладь золотыми искрами.

В те далёкие времена в Преисподней ещё теплился свет.

Облачённый во всё чёрное, Юй Цин сидел на корточках посреди зарослей цветов берега упокоения и медленно тянул руку к одному из бутонов. Однако стоило ему почти коснуться лепестков, как яркая вспышка мягко отбросила его ладонь.

— Сколько раз тебе говорить: эти цветы рвать нельзя, — со стороны Моста Беспомощности неторопливо шёл Повелитель Преисподней в тёмном одеянии. В его голосе сквозила мягкая укоризна. — И почему ты опять в этом наряде?

Юй Цин ушёл из жизни совсем юным. Из-за миловидного детского лица Повелителю Преисподней казалось, будто он воспитывает капризного ребёнка. Вот только этот «ребёнок» отличался редким упрямством, вечно доставляя ему хлопот.

— Зато одежда красивая, — Юй Цин неохотно убрал руку, бросив на цветок берега упокоения тоскливый взгляд. — Но всё-таки почему нельзя?

Каждый год он приходил к Реке Забвения, надеясь тайком унести хотя бы один цветок, но ни разу так и не преуспел. Эти цветы берега упокоения всё равно никогда не увядают, так неужели одна веточка сделает погоду?

— Потому что они — щит Преисподней, — Повелитель тепло потрепал Юй Цина по голове и с улыбкой пообещал: — Вот пройдёт пора цветения, и в следующий раз я обязательно разрешу тебе сорвать один.

Юй Цин поняливо, хотя и слегка озадаченно кивнул, даже не сообразив, что у вечно цветущих растений берега упокоения никакой «поры цветения» быть не могло. Он уже собирался спросить о чём-то ещё, как вдруг всё вокруг пошло рябью и начало стремительно искажаться.

— Повелитель? — Юй Цин запрокинул голову, но вместо знакомого лица увидел лишь клубящийся первозданный хаос.

Он проснулся в холодном поту, резко сев на постели. Сердце в груди мертвеца давно не билось, но внутри всё равно неприятно ныло от безотчётной тревоги.

«Повелитель...»

Этот титул казался одновременно бесконечно близким и чужим. Он до мельчайших подробностей помнил обрывки событий тысячелетней давности, но образ самого Повелителя стёрся из памяти без следа.

Зажмурившись, Юй Цин подождал, пока утихнет смятение, и нехотя выбрался из-под одеяла. Едва он приоткрыл дверь спальни, как нос к носу столкнулся со стоящим на пороге Му Юаньчжи.

— А я уж думал, ты решил впасть в летаргический сон, — Му Юаньчжи опустил руку, которой только что собирался постучать, и окинул Юй Цина бесстрастным взглядом.

— Ты напрасно думаешь, что у меня не поднимется рука тебя поколотить, — проворчал Юй Цин, чувствуя, как этот невыносимый тип раз за разом испытывает его терпение на прочность.

Впрочем, памятуя о собственной недавней оплошности, он предпочёл умерить пыл. Мысленно скрежеща зубами, Юй Цин пообещал себе, что в следующей жизни Му Юаньчжи непременно переродится свиньей.

— Мне сегодня приснился сон, — неожиданно произнёс Му Юаньчжи. — Я видел реку.

Юй Цин невольно вспомнил собственное видение. Похоже, у этой квартиры были явные проблемы с фэншуй — чтобы два призрака одновременно пустились в грёзы, это уж слишком.

— Наверное, в прошлой жизни ты просто утонул, — небрежно бросил Юй Цин, похлопав собеседника по плечу.

В гостиной по-прежнему возвышалась гора упавших с неба банкнот. Проходя мимо, Юй Цин мысленно позавидовал чужому богатству, а затем, сощурившись, нацепил на лицо самую невинную и дружелюбную мину.

Но не успел он озвучить очередную порцию сладкой лжи, как его лицо мгновенно изменилось, и он нахмурился. Он резко схватил Му Юаньчжи за запястье:

— С Гу Сяоянем что-то не так.

Был выходной, и родители мальчика, что случилось крайне редко, остались дома. Казалось бы, идеальное время для семейного уюта, однако атмосфера в квартире дышала чем угодно, только не теплом.

Когда незваные гости материализовались на месте, супруги как раз выясняли отношения. Впрочем, «выясняли» — слишком мягкое слово. Мать Гу попросту осыпала мужа яростными упрёками.

— Тебе вообще на всё плевать! И зачем я только жизнь на тебя угробила? — глаза женщины

покраснели, лицо опухло от слёз. — Ребёнок полностью на мне, хозяйство тоже, а от тебя хоть какая-то польза есть?! Муж называется... Да от дворового пса толку больше! Тот хотя бы лает, когда мне плохо!

Глава семейства, судя по всему, давно привык к подобным сценам. Он молча прикурил сигарету и устроился на диване, не проронив ни слова.

Это равнодушие окончательно вывело хозяйку дома из себя. Она рывком вырвала сигарету у него изо рта, затушила её и швырнула в мусорное ведро — быстро, зло, отточенным до автоматизма движением.

— Да что с тобой... — Гу Тан изменился в лице, но сдержал гнев, лишь глухо спросил: — Что тебе опять от меня нужно?

Он уже и сам не помнил, когда супруга превратилась в эту вечно взвинченную, не знающую меры женщину. Любая попытка заговорить с ней оборачивалась такой глухой стеной непонимания, что опускались руки.

— Что мне нужно?! Ты ещё спрашиваешь?! — взвизгнула мать, взлетая на новую волну истерики. — Глаза мои не видели, когда я шла за такое ничтожество! Да если бы не я, ты бы сейчас по помойкам побирался! Был бы ты хоть каплю мужиком — давно бы швырнул им в лицо заявление и нашёл нормальное место!

Юй Цин, наблюдавший за этой безобразной сценой со стороны, недоумённо пихнул локтем своего спутника:

— Он что, альфонс? И живёт за её счёт?

М-да, обстановка в семье подопечного оказалась куда запущеннее, чем казалось на первый взгляд.

— Я знаю его, — Му Юаньчжи на секунду задумался, восстанавливая в памяти детали. — Это Гу Тан, руководитель проектов в соседней фирме. Мы когда-то вели общий контракт.

Насколько он помнил, этот человек всегда отличался исключительной обязательностью и спокойным нравом.

— Так он приживал или нет? — не унимался Юй Цин.

— Откуда мне знать подробности чужой семейной жизни, — покачал головой тот.

Разочарованно вздохнув, Юй Цин оставил бранящуюся чету и направился к комнате мальчика.

Семейные скандалы — штука занятная, но долг призывал заняться делом.

Запертая дверь не представляла для бесплотных духов никакой преграды. Просочившись внутрь, они увидели подростка, застывшего на краю кровати.

На полу сиротливо валялись клочки изорванной в клочья контрольной работы, а на прикроватной тумбочке лежал блокнот, исчерканный хаотичными, яростными штрихами. Юй Цин пригляделся, но так и не смог разобрать в этих каракулях хоть какого-то смысла.

— От него разит чистейшей тёмной энергией, — озабоченно пробормотал Юй Цин. Если дать этой злобе накопиться, а потом попытаться подавить её силой, разум парня просто не выдержит обратного удара.

Но и пускать дело на самотёк нельзя: если подросток с горя наложит на себя руки раньше срока, это напрочь сломает весь небесный распорядок.

За дверью продолжал греметь пронзительный голос матери. Когда волна криков за стеной взметнулась с новой силой, Гу Сяоянь судорожно натянул на голову одеяло, пытаясь отгородиться от этого ада.

— Эй, — Юй Цин вполоборота повернулся к Му Юаньчжи. — Что делать-то будем?

По его первоначальным расчётам, сейчас он должен был лишь лениво дожидаться часа жатвы, а на деле — до сих пор даже не вручил бедолаге смертельный ордер.

— Дай ему пилюлю, — предложил Му Юаньчжи. Пусть происхождение того странного снадобья оставалось неясным, оно безотказно гасило вспышки тёмной энергии.

Юй Цин недовольно поморщился, однако здравый смысл взял верх. Он вложил лекарство в рот мальчика, после чего мягким пассом стёр из его памяти последние часы и погрузил в глубокий, целительный сон.

— Нужно передать ему заказ, — Юй Цин забрал у Му Юаньчжи опустевший флакон. Мальчик должен знать, что перед уходом может исполнить заветное желание.

С этими словами он проник в зыбкие чертоги чужого разума.

Сон действительно служит зеркалом истерзанной души. Мир внутри головы подростка тонул в непроглядном мраке, сквозь который лишь изредка проступали зловещие, багровые отсветы.

— Ты ещё кто?.. — Гу Сяоянь испуганно отшатнулся от внезапно соткавшейся перед ним фигуры Юй Цина. — Где я? Чего тебе надо?

— Потише, не бойся, — Юй Цин сохранял абсолютное спокойствие. — Я курьер приложения «Ты помер?». Через четыре дня твоя земная жизнь прервётся. Способ — самоубийство, вскрытие вен. Скажи, у тебя есть какое-нибудь последнее желание?

Подросток застыл, ошарашенный услышанным:

— Самоубийство?... Я... я убью себя?

— Чему тут удивляться? В глубине души ты и сам прекрасно знаешь ответ, — Юй Цин мягко улыбнулся, стараясь расположить к себе несчастного ребёнка.

Гу Сяоянь закусил губу, его решимость явно пошатнулась. Он долго молчал, словно пытаясь уложить в голове крушение прежней материалистической картины мира и осознание скорой кончины.

— Но... у меня нет никаких желаний, — наконец тихо произнёс он.

— У тебя в запасе есть четыре дня, — Юй Цин выудил из широкого рукава тонкую ароматическую палочку и протянул мальчику. — Когда поймёшь, чего хочешь больше всего, просто зажги её.

Гу Сяоянь молча кивнул. Он хотел спросить о чём-то ещё, но тьма вокруг внезапно взорвалась ослепительным светом, унося призрачного вестника прочь.

Рывком распахнув глаза в реальном мире, он наткнулся на сердитый взгляд стоявшей в дверях матери.

— Солнце уже в зените, а ты всё дрыхнешь! — её голос всё ещё дрожал от недавней злости. — Неудивительно, что ты вечно отстаёшь от этого Ли из квартиры снизу!

Гу Сяоянь глубоко вздохнул, ощущая, как грудь сдавливает привычная удушливая волна раздражения. Пытаясь сдержать рвущийся наружу крик, он до боли сжал кулаки — и вдруг почувствовал ладонью какой-то предмет.

Разжав пальцы, он опустил взгляд.

На его ладони лежала тонкая благовонная палочка.

<http://bllate.org/book/20077/2038292>